

Жаглова Татьяна Михайловна, Толкачев Дмитрий Вячеславович

ВЫРАЖЕНИЕ ОБРАЗА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭЗИИ К. Р.

Статья посвящена рассмотрению специфики выражения образа лирического героя в поэзии К. Р. (Великого князя Константина Романова). На основе исторических и лингвистических положений о традиционных и новаторских возможностях поэтического языка, предвосхитивших достижения символизма, рассматриваются черты реалистического и романтического мироощущения в поэзии конца XIX - начала XX века, которые сформировали категорию лирического субъекта, канонизировавшую в поэтической речи диалогичность авторского голоса. Объектом анализа в работе становится лирический субъект в поэзии К. Р. как форма выявления творческого сознания, проявленная сквозь призму процессов изменения границ между автором и его персонажем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 36-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Каждая часть в цикле при всей своей самостоятельности воплощает целостное отношение Р. Багатайского к личности В. В. Никифорова-Кюлюмнюр, к его жизни, деятельности, взглядам, что осуществляется и акцентируется автором через обращение к фольклорной поэтике. Ярко выраженный национальный колорит, национальный способ отображения своего мышления проявляется, прежде всего, в художественном применении элементов фольклорных жанров (ритуальных песен-импровизаций (заклинание, благословение)) и подчеркивается использованием анафорических созвучий, внутрискладовой аллитерации как традиционных средств организации свободного стиха, уходящего своими корнями в народную поэзию.

Таким образом, в изображении художественной картины мира у известных поэтов Якутии нами выявлены оригинальные образные сопоставления (поэтизированные мифологические образы *Хатан Тэмиэрийэ*, *Айыыһыт*, *Баянай* и др.), поэтические ассоциации и представления (варианты авторских интерпретаций этноспецифического концепта *сах* (*урааҥхай саха*)) в поэзии Сем. Данилова, творческие обработки фольклорных жанровых форм, таких как ритуальное песнопение-заклинание шамана (*ойуун кырыыһа*), завещание (*кэриэс*), благословение (*алгыс*), аллитерации как основные ритмические организаторы стиха в произведении Р. Багатайского. Художественные произведения писателей пронизаны уникальным национальным колоритом, что в целом дает возможность представить самобытную авторскую модель мира с присущими только ей особенностями.

Список литературы

1. Багатайский Р. Полное собрание сочинений. Якутск: Сайдам, 2011. Т. 6. 416 с.
2. Данилов Сем. П. Золотые дожди Сергеляха: книга стихов. Якутск, 1979. 216 с.
3. Ефремова Е. М. Поэзия Леонида Попова: лирические субъекты в типологическом и жанровом аспектах. Новосибирск: Наука, 2015. 120 с.
4. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Книжное изд-во, 1979. 483 с.
5. Максимова П. В. Жанровая типология якутской поэзии. Новосибирск: Наука, 2002. 255 с.
6. Яковлева В. Д. Циклы лирических стихотворений в якутской поэзии. Типология и поэтика. Новосибирск: Наука, 2009. 136 с.

FEATURES OF NATIONAL IDENTITY REVELATION IN YAKUT POETS' WORKS OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF SEM. DANILOV'S AND P. BAGATAYSKY'S CREATIVE WORK)

Efremova Ekaterina Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Posel'skaya Viktoriya Dmitrievna, Ph. D. in Philology
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Kachkom84@mail.ru; Vikt80@mail.ru

The article covers issues of revealing features of national identity in works of the Yakut national poets Sem. P. Danilov and R. D. Ermolaev-Bagataysky in the second half of the XX century. In the analysis of the texts the authors pay particular attention to identifying the dominant aspects of the national category in respect of motivic-figurative structure, poetics, genre forms, verse and sound organizations, and the conceptual sphere that determine distinctive author's style of the Yakut poets.

Key words and phrases: national worldview; identity; individual style; author's "I"; poetics; genre; cyclization.

УДК 8; 821.161.1

Статья посвящена рассмотрению специфики выражения образа лирического героя в поэзии К. Р. (Великого князя Константина Романова). На основе исторических и лингвистических положений о традиционных и новаторских возможностях поэтического языка, предвосхитивших достижения символизма, рассматриваются черты реалистического и романтического мироощущения в поэзии конца XIX – начала XX века, которые сформировали категорию лирического субъекта, канонизировавшую в поэтической речи диалогичность авторского голоса. Объектом анализа в работе становится лирический субъект в поэзии К. Р. как форма выявления творческого сознания, проявленная сквозь призму процессов изменения границ между автором и его персонажем.

Ключевые слова и фразы: поэзия; образ; лирический субъект; диалогичность; автор; субъективность; парадигматическая концепция; интенция; синкретизм.

Жаплова Татьяна Михайловна, д. филол. н.
Толкачев Дмитрий Вячеславович
Оренбургский государственный университет
tmzhaplova@mail.ru; dtolkachev@rambler.ru

ВЫРАЖЕНИЕ ОБРАЗА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭЗИИ К. Р.

В поэзии конца XIX – начала XX века наблюдалась тенденция вытеснения идеи лирического образа или характера индивидуальным аспектом видения явлений жизни. На смену объективному стилю пришла

индивидуальная манера, которая зависела от точки зрения и темперамента поэта. В. М. Жирмунский говорил о завершении этого процесса в художественной технике переходной эпохи, которая «разрушила в искусстве вневременные идеи предметов и отдала его во власть мгновенных, текучих и колеблющихся оттенков непосредственного восприятия» [4, с. 359]. «Второстепенные» русские лирики сыграли в нем огромную роль. Л. Я. Гинзбург, отмечая отголоски поэзии А. А. Фета и С. Я. Надсона в творчестве поэтов «второго эшелона», писала: «Предшественники символистов не способны были найти поэтический язык для новых идей и настроений» [2, с. 232], обращая внимание на субъект лирики, их прямой выразитель.

Литературоведы отмечали субъективизм поэзии рубежа веков, сходясь во мнении о декадентстве восприятия через напряженное и изнуренное начало. Так, В. Д. Сквозников резюмировал, что лирическая поэзия в своих поисках активизируется в периоды общественного подъема. В эпоху, когда развитие личности что-либо подавляет, лирика расцветает, часто оказываясь «рафинированным и болезненным явлением агонизирующего человеческого духа и усталой, словно обескровленной, хотя по-своему очень изощренной мысли» [8, с. 190], в ней обогащаются способы выражения авторского «я».

Как правило, в поэзии классического типа черты лирического образа или характера были обдуманы и отобраны заранее: в стихотворении предстал результат скрытого процесса. Но «новые идеи и настроения» [2, с. 232] конца XIX – начала XX в. стимулировали творческую потенцию, активизировали читательское воображение, и в произведениях повышалась степень неопределенности, стихийность, присущая «потоку сознания», а внутренние механизмы действия ориентировались на интенсивный сюжет и динамику. Лирика К. Р., продолжавшая традиции «чистого искусства», которое упрочило позиции к концу XIX века, приобретала значимость за счет содержания и поэтического языка.

В первой половине двадцатых годов XX в. М. М. Бахтиным было предложено рассматривать лирическую поэзию как отношение субъектов. Ученый заявил, что лирика выражает не изолированность лирического субъекта, а факт существования человека в отношениях между «собой» и «другими». Он писал: «Всякое безобъектное и одностороннее слово является наивным и негодным для подлинного творчества. Творческий голос может быть только вторым голосом» [1, с. 363]. В то же время М. М. Бахтин считал, что диалогическое начало в лирике «редко и специфично» [Там же, с. 365]. По мнению исследователя, в стихотворении невозможна объективность, поскольку герой не обладает автономией, необходимой для того, чтобы возникло диалогическое событие (кроме того, в лирике существует установка на сочувствие читателя). Автор может прибегать к «раскладке» своего голоса на несколько, выбирая из палитры изобразительных средств краски для выражения внутреннего состояния.

Позднее исследователи установили, что истоком второго голоса в лирике, о котором говорил М. М. Бахтин, была певучая субстанция древнейшего поэтического языка, которая разыгрывала голос «другого» и была синкретически неотделима от него. Пение являлось несобственной прямой речью, необходимой для общения с духами. Именно в лирическом пении связь с голосом «другого» не была преодолена, а сохранилась «в формах ритма и звуковой организации» [7, с. 15]. Стремление к отождествлению искусства и жизни, к эстетической организации жизненного опыта наблюдалось еще в эпоху романтизма, когда лирический герой выражал форму выявления авторского сознания. При этом душевное состояние героя отражалось в тематических штампах, через которые восходило к содержанию стихотворения и обнаруживаемой в нем идеи.

Искренность переживания художественного вымысла – характерная примета поэзии 1880-1890 годов. Она выражалась не только в наивности и детской простоте у К. Р., но и часто в надрые, в доведении себя до состояния встревоженного безумства, восторга, в красочной или намеренно завуалированной живописности. Попытка объединить в лирическом образе узнаваемого романтического героя и собственное «я» придавало поэзии К. Р. черты диалогичности. В качестве сравнения с данной типологической чертой следует привести в пример стихотворения «Сумасшедший» А. Н. Апухтина, «Я плакал тяжкими слезами...» С. Я. Надсона и «Столица бредила в чаду своей тоски...» К. М. Фофанова. В них сопряжение действительности и поэзии, осмысление своей личности через литературную призму привело к совмещению реалистического и романтического образов. В характер изображаемого персонажа проникали черты реального психологического опыта, идущего от практики бытового поведения. Как следствие, это прорывало зыбкие рамки романтического мироощущения.

При этом лирический герой как личность в поэзии К. Р. отсутствовал. Исследователи отмечали влияние на стиль К. Р. поэтики А. А. Фета, которого интересовала замысловатая логика человеческих чувств и нечеткость эмоций, но характер и становление героя, пережившего то или иное событие, привлекали его в меньшей мере. Б. О. Корман охарактеризовал этот факт как «принципиальную субъектную неопределенность» [6, с. 110]. Во многом противостоит классической традиции неидеальное поэтическое «я». Традиционно лирический герой К. Р. предстает как «усталый сын земли, в дни суетных забот, среди мелочных обид и светского волнения» («У озера») [5, с. 118]. Сказанное относится к образу, который интерпретируется в свете концепции мира и человека.

Лирическое выражение в лирике К. Р. переходит от экстенсивного, по преимуществу описательного изображения к интенсивному способу раскрытия лирической мысли: «Мы на скамью уселись с вами рядом, рассеянно следя усталым взглядом игривый пестрых бабочек полет» («Вы помните ль? Однажды, в дни былые...») [Там же, с. 35]. Формирование мысли, течение чувства, переживания становятся главным предметом поэтического выражения. Душевная жизнь человека воспринимается художником как ценность, исследуется ее динамика.

В основе стихотворений К. Р., особенно в романсах, часто лежит не собственное переживание, а романтическая импровизация на известную тему. Ситуации, в которых разворачивается лирическое переживание, заранее

известны, но трактуются в индивидуальной манере. Например, вид осеннего пейзажа рождает мысли о скоротечности судьбы («Последней стаи журавлей...»), а увядающий цветок напоминает прошедшее чувство («Ландыши») [Там же, с. 68]. Благодаря сюжетной линии, в которой переплетены реальность и иллюзия, поэзия и действительность, внутренний мир личности воплощается психологически глубже, и герой говорит от лица многих.

В стихотворениях К. Р. религиозной тематики «Когда креста нести нет мочи...» и «Блаженны мы, когда идем...» субъект речи выступает не индивидуализированно, а от лица «мы». Наличие в тексте образа «я» выражено не напрямую. Местоимение «мы» – это проекция подразумеваемого «я» на тех, кто находился в похожей ситуации. Возникает сопоставление «мы» – людей, поставленных в ситуацию испытания, и «он» – всевидящего Творца. Эта форма выражения автора обозначает отстранение от «я», взгляд со стороны.

Процесс изменения самоощущения личности и границ между «я» и «другим» находит отражение в романсовой лирике К. Р. («Растворил я окно...» и «Уж гасли в комнатах огни...»). Романсовое «я» традиционно является неопределенным, поскольку лишено конкретизации. Возникает синкретизм не только субъектов, но жизни и искусства, которые оказываются проницаемыми друг для друга. Такая ситуация является собой аллюзию на первообраз классики – «индивидуализированность лирической ситуации» [7, с. 24].

Подвижная лирическая точка зрения поэта, которая принадлежит герою-наблюдателю, может переходить к другому персонажу. Интенция К. Р. на метаморфозы обнаруживается в стихотворении «Умер». «Я» лирического героя отличается от изображенного индивидуального «я». Слияние с бесконечностью и пассивное состояние растворения в стихии соответствует парадигматической концепции символистов. Поэт старается выразить «сущность явления» [3, с. 98], и предметом художественного изображения является неотвратимый для всего живого закон и частные переживания, на которые распадается образ.

Подобный процесс можно наблюдать в поэзии К. К. Случевского. Поэт также пристально вглядывается в соположение «я» и «другого», и границы эти оказываются трудноопределимыми. В сравнении с лирическим «я» в поэзии К. Р., у К. К. Случевского изменяются внешние масштабы субъекта. Он может быть уравновешен с природой, поставлен с ней в одну плоскость. Лирический субъект в лирике К. К. Случевского сближен с «другим» в качестве категории «души», которая не равна «я»: «Что тут писано, писал совсем не я, оставляла за собою жизнь моя. Это куколки от бабочек былых, след мгновенных превращений временных» [9, с. 45]. Остро переживая собственную «другость» и связь с минувшим, поэт через них чувствует и «другого» как того «я», каким он был когда-то. Метаморфозы, которые сдвигают границы «я» и «другого», ведут читателя к поэтике XX века, к ломкому и сомнамбулическому языку символистов.

Таким образом, в поэзии К. Р. наблюдаются автономное начало автора и рефлексия, которые могут вступить с традицией в отношения равноправных партнеров диалога. Зависимый от категории «другого» лирического героя, автор теряет свою абсолютность, перестает быть единственным субъектом в мире объектов, обретает возможность посмотреть на себя со стороны. К. Р. и его современники становятся изображающими и изображенными. Опосредованность взгляда, метаморфозы авторского «я» и субъектная неопределенность – все это проявления общего процесса деканонизации субъектных отношений в лирической поэзии.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 365 с.
2. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 416 с.
3. Жаплова Т. М. Символизация, метафоризация в усадебной лирике Ивана Бунина и К. Р. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 11 (36). С. 90-115.
4. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: избранные труды. Л.: Наука, 1977. 407 с.
5. К. Р. Стихотворения (1879-1885). СПб., 1886. 125 с.
6. Корман Б. О. Лирика Некрасова. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1964. 390 с.
7. Лосев А. Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: Наука, 1973. С. 12-37.
8. Сквозников В. Д. Лирика // Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении: в 3-х книгах. М.: Наука, 1964. Кн. 2. Роды и жанры литературы. С. 173-237.
9. Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1962. 45 с.

EXPRESSING LYRICAL HERO'S IMAGE IN KONSTANTIN ROMANOV'S POETRY

Zhaplova Tat'yana Mikhailovna, Doctor in Philology
Tolkachev Dmitrii Vyacheslavovich
Orenburg State University
tmzhaplova@mail.ru; dtolkachev@rambler.ru

The article is devoted to analyzing the specifics of expressing a lyrical hero's image in K.R.'s (Grand Prince Konstantin Romanov) poetry. On the basis of historical and linguistic conceptions of traditional and innovative potentials of the poetical language (predecessors of symbolism) the authors examine features of realistic and romantic world perception in poetry of the end of the XIX – the beginning of the XX century, which formed a category of lyrical subject that canonized dialogic nature of the author's voice in poetical speech. The study focuses on the lyrical subject in Konstantin Romanov's poetry as a form of creative consciousness manifestation represented through the lenses of changing boundaries between the author and his personage.

Key words and phrases: poetry; image; lyrical subject; dialogic nature; author; subjectivity; paradigmatic conception; intention; syncretism.